

Светало. Первые лучи солнца осветили изогнутую долину реки Колочи, заиграли в листве чуть тронутых желтизной перелесков, тянувшихся в сторону деревни Шевардино, позолотили купола Бородинской церкви.

«Вот поле великой битвы», — подумал поручик Неелов¹, стоя у моста через Колочу.

Здесь, у Бородина, двадцать семь лет назад лейб-гвардии егерский и егерские полки Вуича и Карпенкова почти полностью уничтожили 106-й французский пехотный полк. Вон через тот кустарник, у правого берега реки Колочи, наступали на батарею Раевского французские дивизии Морана, Жерара, Брусье ...

Внимание Неелова привлёк усиливающийся грохот барабанов со стороны бивуаков Шестого пехотного корпуса, расположенных у деревни Горки. Обернувшись, он увидел картинно вытянувшиеся линии пехотинцев в зелёных парадных мундирах. Каждая линия, состоявшая из нескольких батальонов, шедших в ногу, держала идеальное равнение. Штыки ружей, взятых «на плечо», торчали, не колеблясь. При каждом выполнении ружейного приёма, ружья синхронно звенели. Казалось, тысячи игрушечных солдатиков то застывали, то расходились, то сближались, то перестраивались в сложные фигуры.

Во время учёбы в юнкерской школе Неелов на дух не переносил строевые занятия, полагая, что это меньше всего понадобится будущему офицеру. В памяти всплыли строки шутливой «Юнкерской молитвы» Михаила

---

¹ Неелов Николай Дмитриевич (1808—1850), русский военный историк, автор книг по военной истории и стратегии, писатель, уроженец Гжатского уезда Смоленской губернии.

Лермонтова, написанные молодым поэтом во время учёбы в юнкерской школе:

Царю небесный!
Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня.

От маршировки
Меня избавь.
В парадировки
Меня не ставь ...

Длинные шеренги развернулись. Строй не нарушился.

«Красиво, но бессмысленно, — с досадой подумал поручик, — да и ружья губят, ослабив винты для умиляющего начальство ружейного звона... Добились-таки «плывающих стен». Такая завелась во фрунте танцевальная наука... Из боевых генералов и офицеров сделали танцмейстеров и балетмейстеров, равняющих носки гренадёров... Экзерцицмейстеры ныне в почёте... Линии не прикрыты стрелками... Чему учат?.. Не таким шагом наши отцы французов победили... И польская война ничему не научила...»

В этот день, семнадцатого августа 1839 года, начинались военные манёвры, посвящённые годовщине Бородинской битвы, готовилось торжественное открытие памятника героям войны 1812 года.

Его императорское величество Николай Павлович со свитой собирались объезжать Бородинское поле. Неелов подъехал к группе младших офицеров, стоявшей чуть поодаль от блестящей свиты генералов и флигель-адъютантов. Его величество задерживались. Подъехавший к Неелову толстый свитский подполковник окликнул его:

— Николай Дмитриевич! Не узнаете?.. Ну как же?.. Помните штурм Варшавы в августе тридцать первого?

— А-а-а, барон фон Зальц... Иван Иванович, если не ошибаюсь?.. Уже подполковник... Восемь лет прошло... — довольно холодно произнёс Неелов и мысленно добавил: «Не видел восемь лет и столько же не видеть».

— Да, поручик, летит время, — согласился фон Зальц. — А вы, как я вижу, всё такой же, *comme il faut*¹, аккуратный, подтянутый, невозмутимый... Вас за Варшаву, кажется, представляли к Владимиру с бантом?

— Нет, увы, удостоился только Анны 3-й степени с бантом. А *la guette*, *comme a la guette*², — усмехнулся Неелов. — Зато вас не забывают, — кивнул он на многочисленные ордена, звеневшие на широкой груди подполковника.

---

¹ Светский человек (франц.).

² На войне, как на войне (франц.).

Барону фон Зальцу вспомнилось раннее утро двадцать четвёртого августа 1831 года. Шла польская война. Русская армия генерал-фельдмаршала Паскевича¹ находилась в одном переходе от стен мятежной Варшавы. Дежурный по штабу Гренадёрского корпуса тогда ещё капитан фон Зальц слышал, как дивизионный квартирмейстер подпоручик Неелов, вернувшийся из рекогносцировки, докладывал командиру корпуса Шаховскому²:

— ...поляки привыкли к нашему бездействию, не ожидают нападения, не слышали передвижений войск на левом берегу Вислы, в Варшаве тихо и спокойно, как перед страшной грозой, — ехидно усмехнулся подпоручик и продолжил: — Когда на обратном пути я с двумя казаками заночевал на одном краю стога сена, на другом ночевали пятеро польских улан. Хорошо, что я проснулся первым — четверо улан даже не услышали, как их командир с кляпом во рту отправился с нами. Пленённый офицер сообщил, что пятнадцатитысячный отряд Ромарино опрометчиво отделился от армии мятежников под командованием Малаховского, в результате чего силы поляков на левом берегу Вислы уменьшились на треть...

— Ваши сведения необходимо срочно сообщить генерал-фельдмаршалу, — возбуждённо произнёс присутствующий здесь же начальник штаба корпуса генерал-лейтенант Полуэктов, и добавил, обращаясь к Неелову: — Собирайтесь, и не забудьте вашего пленника.

Полуэктов и Неелов немедленно направились к Главнокомандующему. Сведения, доставленные подпоручиком, окончательно убедили генерал-фельдмаршала Паскевича: штурмовать.

Вечером двадцать четвёртого августа заходящее солнце осветило лагерь русской армии. Тронулись с места стройные колонны пехоты, последние лучи солнца заиграли на боевых знамёнах, овечьих славой былых походов, серебряных латах кавалергардов и конногвардейцев, флюгерах на уланских и казачьих пиках, застучали пушечные колёса, послышались топот и ржание лошадей, команды начальников, крики обозных — всё это представляло яркую незабываемую картину выдвижения армии Паскевича по направлению к Варшаве.

Фон Зальц не любил Неелова ещё со времени совместной службы в Киевском гренадёрском полку, в военных поселениях под Новгородом. Подпоручик Неелов, невысокий, стройный брюнет с голубыми глазами, с решительными чертами лица, всегда был подтянут, аккуратен и чисто выбрит, в

¹ Паскевич Иван Федорович (1782—1856), граф Эриванский, генерал-фельдмаршал, с 13 июня 1831 года — главнокомандующий русской армией в Польше, князь Варшавский (за взятие Варшавы).

² Шаховской Иван Леонтьевич (1776—1860), в 1830—1831 годах генерал от кавалерии, командир Гренадёрского корпуса.

отличие от неряшливого барона. Не чураясь весёлых офицерских компаний, Неелов отдавал должное и богатой полковой библиотеке, просиживая вечерами над изучением книг по военной истории, стратегии, постоянно занимаясь усовершенствованием немецкого, английского и французского языков, которые он неплохо знал с детства. В противоположность ему высокий, но начинающий полнетъ фон Зальц книг почти не читал. Можно было сказать, что он, как и великий князь Михаил Павлович, закончив учёбу, заколотил свой книжный шкаф гвоздями. Особое удовольствие он находил в проведении строевых занятий: следить за равнением носков гренадёр было для фон Зальца смыслом службы, за что он был особо ценим всесильным Аракчеевым. Фон Зальц не любил и не понимал топографических и глазомерных съёмок и наблюдений за земляными работами, на которые всегда охотно вызывался Неелов. «Стратегишка» — так он презрительно называл Неелова, и подозревал, что обидной кличке «наш танцмейстер» он обязан молодому подпоручику. Сильнейшее раздражение вызывало у барона критическое отношение Неелова к военным поселениям. Однажды в присутствии великого князя Константина тот посмел критиковать действия обожаемого им Аракчеева и обозвал его «более бичом края, царедворцем и временщиком, нежели человеком государственным».

Когда поляки с первыми лучами солнца увидели громадные силы русских, расположившиеся у стен Варшавы, да ещё в парадных мундирах, без ранцев, с выдвинутыми вперёд батареями и ожидающими только сигнала, чтобы двинуться на приступ, в Варшаве началась паника. Зазвонили колокола, заметались польские командиры, войска поспешили занять укрепления, местные жители в ожидании штурма бросились на башни, балконы, колокольни. Город замер в тревожном ожидании.

Расположив по указанию Паскевича предназначенные к штурму части Гренадёрского корпуса напротив варшавского предместья Воля, Полуэктов, фон Зальц, Неелов и другие штабные офицеры направились на рекогносцировку местности.

— Поляки укрепились весьма сильно, — заметил Неелов, рассматривая в подзорную трубу укрепления Варшавы. — Улицы перекопаны рвами, перегородены насыпями, рогатками, в стенах домов проделаны бойницы, городские валы обнесены палисадами, перед валами многочисленные полевые укрепления, взаимно друг друга фланкирующие, волчьи ямы. И обыватели, как всегда, в качестве зрителей — на всех колокольнях и балконах. Генерал-фельдмаршал предложил мятежникам амнистию, но Круковецкий¹ отверг её, как «унизительную» — вот уж верно: кого бог хочет погубить, того лишает разума. Ведь все действия мятежников могли только оттянуть роковой для них неизбежный удар наших войск.

---

¹ Круковецкий — президент Речи Посполитой с 3 августа 1831 года.

— С февраля укреплений прибавилось, — заметил поручик Иртеньев. — Кто бы мог подумать, что вместо похода на Бельгию второй раз будем подходить к Варшаве?

— Вот если бы Дибич¹ в феврале после Гроховской битвы² решился на штурм Варшавы, но не осмелился... говорил, что не захотел, подобно Суворову, жертвовать тысячами людей... — с горечью произнёс Неелов и добавил: — Но он не принял во внимание, что продолжение войны может повести с собой многократно большие жертвы...

— Подпоручик, — прервал Неелова генерал-лейтенант Полуэктов, — вам ещё не надоело критиковать начальство? Ваш язык — ваш враг. То какие-то странные мысли, что наши гренадёры рвались на войну, лишь чтобы не остаться в Новгородском поселении; то критика графа Дибича-Забалканского — сравнить майские действия покойного генерал-фельдмаршала с травлей несколькими сворами собак едва живого зайца... Хорошо, что за Гроховское сражение получите Анну 4-й степени с надписью: «За храбрость», а могли бы получить и Владимира с мечами и Анну 3-й степени. Я едва тогда отстоял ваше награждение у Ивана Ивановича Дибича.

«Хорош “Иван Иванович”, — подумал Неелов, — на самом-то деле — Йохан Карл Фридрих Антон Дибич. Интересно, как звали в Эстляндии фон Зальца? Не иначе, Карл Август Иероним или что-нибудь в этом роде».

Подпоручику хотелось напомнить Полуэктову, что июльский кровавый бунт рабочих батальонов Гренадёрского корпуса под Старой Руссой и ещё более кровавое его подавление подтверждают «какие-то странные мысли», но первые залпы батарей 1-й гренадёрской артиллерийской бригады напомнили о несвоевременности продолжения данного разговора.

Штурм начался. Ружейный огонь слился в сплошной безостановочный треск, гром орудий отдавался раскатами в окружающих лесах. Стройные шеренги войск в парадных мундирах двинулись вперёд. Ядра и картечь вырывали из строя нападавших десятки и сотни людей, но ряды смыкались, и гренадёры безостановочно двигались вперёд. Ни валы, ни рвы, ни палисады, ни рогатки не могли остановить натиска русских войск. Первыми прорвали вражескую оборону гренадёры Несвижского и Самогитского полков. Поляки, среди которых было много ещё ветеранов наполеоновских войн, руководимые бывшими наполеоновскими генералами и офицерами, сражались необыкновенно храбро и на удивление самоотверженно. Ворвавшимся в Волю гренадёрам приходилось драться за каждый дом, за каждую баррика-

---

¹ Дибич Иван Иванович (1785—1831), граф Забалканский, в 1831 году генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русской армией во время первого этапа подавления польского восстания. 30 мая 1831 года умер от холеры.

² Гроховское сражение 13 февраля 1831 года — самое кровопролитное сражение польской войны, закончившееся победой русских.

ду. Последние защитники предместья укрылись в каменном костёле. Главная линия обороны поляков была взята.

Указав направление движения резервам Гренадёрского корпуса — Фанаторийскому и Астраханскому полкам, ранее разгромившим ценой огромных потерь в сражении при Остроленке¹ превосходящие силы поляков, проследив за передвижением артиллерийских батарей на новые позиции, — Неелов и Иртеньев двинулись к бастионам Воли. Редкие пули свистели над головами, пара ядер разорвалась в нескольких десятках метров. Фон Зальц, по обыкновению, держался ближе к штабным палаткам.

— Барон, — обратился со смехом Неелов к фон Зальцу, — не хотите ли вы приблизиться к польским позициям? Не бойтесь, на бастионах уже русский флаг. У нас есть жареная курица, дадим ножку обглодать.

— Лавры Милорадовича² покоя не дают — мальчишки, — тихо проворчал Полуэктов, увидев, как молодые офицеры, разделив с вечера припасённую курицу, ехали и завтракали под изредка пролетающими польскими ядрами.

— Николай Дмитриевич, ну хватит тебе дразнить эту жирную свинью — барона, — вполголоса сказал Иртеньев, покосившись в сторону Полуэктова.

— Василий Петрович, дорогой, этот барон способен только выдирать усы у гренадёр, но ты хоть раз его видел в передовых цепях? Если бы не протекция Аракчеева... Барон, с его гонором и кичливостью, никогда не простит мне, что я поставил его на место, напомнив, что, в отличие от предков барона, мои предки верой и правдой пятый век служат России — кто воеводой, кто стрелецким головой, кто офицером, а кто и архитектором... Правда, фон Зальц первым сообразил, где искать спрятанные польскими крестьянами пшеницу и ячмень — в свежих могилах. По указке барона казаки безошибочно находили зарытые мешки с зерном.

— Признаюсь, меня поражают чрезмерные амбиции отдельных вождей мятежников, — сменил тему Иртеньев. — Вообразите, они требуют восстановления Польши в границах двухсотлетней давности: подавай им и Белоруссию, и Литву, и всю правобережную Украину во главе с исконно русским городом — Киевом, да и от Смоленска не отказались бы.

— В Париже некоторые рьяные депутаты, например престарелый Лафайет, в своих речах призывают к вооружённому вмешательству в польский мятеж, — вставил Неелов.

---

¹ 14 мая 1831 года во время сражения при Остроленке польская армия была разбита, особо отличившиеся гренадёрские Фанаторийский и Астраханский полки были награждены георгиевскими знамёнами. Несвижский и Самогитский полки были награждены георгиевскими знамёнами за взятие Варшавы.

² Во время Бородинского сражения 1812 года генерал М.А.Милорадович демонстративно завтракал под французскими ядрами.

Фон Зальц едва слышал разговор молодых офицеров, но приблизиться к ним — означало приблизиться к противнику.

— Кстати, о французах, — подхватил Иртеньев, — полячки с нетерпением ждали в Варшаве обещанный руководителями мятежа мифический французский корпус, а вовсе не нас с вами. Представляю, как они были сегодня утром разочарованы...

— Да, если бы не полячки, то и восстания могло бы не быть, — с горечью прервал Иртеньева Неелов. — Женщины, воодушевлённые свободой, в Польше владеют умами мужчин, увлекают молодёжь записываться в войска, ходят по госпиталям за ранеными, устраивают общенародные собрания ...

Вдруг над головой лошади Неелова пронеслась граната, в ту же секунду картечь ударила в левое плечо подпоручика. В глазах у Неелова потемнело, и он медленно сполз с коня. Иртеньев спешил и бросился к подпоручику.

Фон Зальц отъехал ещё дальше.

Двадцать дней спустя Неелов находился в лагере Гренадёрского корпуса у польской крепости Модлин. Последствия тяжёлой контузии ещё сказывались, но его уже привлекали к составлению штабных документов. А вечерами он дописывал давно начатое письмо к своему отцу, Дмитрию Васильевичу, отставному майору Софийского полка.

«...к вечеру двадцать шестого августа, — писал он, — в годовщину Бородинского сражения, после тридцати шести часов кровопролитнейшего штурма Варшава была взята. Трудно сказать лучше Александра Пушкина:

Сбылось — и в день Бородина
Вновь наши вторглись знамена
В проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый —
И бунт раздавленный умолк.

...

Сильна ли Русь? Война, и мор,
И бунт, и внешних сил напор
Её, беснуясь потрясали —
Смотрите ж: всё стоит она!
А вокруг е` волненья пали —¹
И Польши участь решена ...¹

28 августа гвардия в полном порядке вступила в Варшаву. Никто не приветствовал русских войск; везде стояла мёртвая тишина, как будто весь город

---

¹ А. С. Пушкин «Бородинская годовщина».

был покинут жителями. Улицы пусты, только порой раздаётся стук гвардейских экипажей или конский топот от несущихся верхами казаков и черкесов.

Жители Царства Польского убедились, что они не в силах более противостоят русскому оружию, что рано или поздно войска их, вероломно нарушившие условия почётной капитуляции после Варшавского штурма, не руководимые одновластием, не направляемые к одной цели, и, не имея между собой ни единства, ни связи в действиях их, рассеются по частям и подвергнутся совершенному истреблению.

P.S. Я почти вылечился от контузии, бывшей со мной в начале штурма, и в настоящее время нахожусь под стенами последнего оплота мятежников — Модлинской крепости, осаждаемой нашими войсками.

15 сентября 1831 года».

* * *

Император, наконец, прибыл. Блестящая свитская кавалькада двигалась от деревни Горки по направлению к Шевардинскому редуту. При приближении к Семёновскому ручью Неелов направился к группе свитских генералов: два года назад он находился на инструментальной съёмке села Бородин и его окрестностей и вспомнил, что впереди на пути императора находится малозаметный крутой овраг.

Фон Зальц увидел, как Неелов подъехал сначала к свитским генералам, потом к военному министру Чернышёву¹. Были слышны слова поручика о необходимости предупредить императора об опасности свалиться в овраг, но в ответ прозвучало, что государь не любит, когда его предупреждают без просьбы, государь не в настроении с утра, и вообще, они не смеют отвлекать государя императора от важных государственных мыслей...

Злополучный овраг приближался. Неелов решил и, прищпорив коня, обогнал императора и встал на его пути.

Император был в однобортном темно-зелёном мундире лейб-гвардии Измайловского полка, с орденом Святого Георгия 4-й степени на груди, в каске на голове. Его всё ещё красивое, но слегка обрюзгшее лицо с короткими усами и бачками покраснелось, выпученные глаза налились кровью.

— Поручик! Что вы себе позволяете?! Вы забыли о субординации! — раздражённо сказал Николай.

— Ваше императорское величество, впереди овраг.

— Поручик, представьтесь и объяснитесь, почему вы не предупредили свитских!

— Старший адъютант штаба шестого пехотного корпуса поручик Генерального штаба Неелов... Времени не было...

Смотрящее сверху на Неелова лицо императора покраснелось ещё больше.

«Has the Most High been so — if so you turn him?» — поручику вдруг вспомнились строки из любимого Байрона и собственный перевод этих слов из за-

¹ Чернышёв Александр Иванович (1785—1857), генерал от кавалерии, в 1832—1852 годах — военный министр.

прешённой российской цензурой драмы «Каин»: «Высший в самом деле так высок, каким вы его считаете?».

Тем временем взгляд Николая обратился к приближавшейся свите.

— Александр Иванович, — Николай обратился к подъехавшему командиру Шестого пехотного корпуса Нейдгардту¹, — объяснитесь!

— Ваше величество, поручик Неелов — автор только что вышедшей книжки «Опыт описания Бородинского сражения». Он прекрасно знает топографию и историю Бородинской битвы, поэтому и прикомандирован вожатым к Вашей свите. К слову, книжка сия получила неплохую оценку у военных специалистов.

Николай раздражённо взглянул на подъехавшую свиту и подумал, что поручик наверняка предупреждал свитских об опасности, но те не рискнули обратиться к нему, зная привычки и раздражительность императора. Николай перевёл взгляд на боевые ордена на груди поручика и подумал: «А поручик-то не только перед императором смелый, но и на поле боя».

— За что награждён?

— За Польскую кампанию: за Гроховское сражение, за штурм Варшавы, за осаду Модина, Ваше императорское величество.

— Отличный офицер, особо отличился перед штурмом, да и вместе со мной контужен под Варшавой, — прибавил подъехавший князь Варшавский Паскевич, — и, чутьём старого царедворца почувствовав улучшение настроения императора, заметил: — Помню, Ваше величество, как Вы мне писали после Варшавы: «Зачем я не летел за тобой по-прежнему в рядах тех, кои мстили за честь России?..»

— Спасибо, отец-командир², — Николай с улыбкой обратился к Паскевичу. Взгляд императора подобрел ещё более, когда усилиями свитских адъютантов перед императором появился поднос с графином водки, фужером и мелко нарезанными ломтиками лимона. После выпитого фужера плохое настроение императора почти исчезло. Немного подумав, он подозвал почтительно отъехавшего в сторону Неелова. — Поручик, теперь ваша задача — находиться впереди моей свиты во время всех манёвров. А то с такой нерешительной свитой императору можно и в овраг угодить.

— И впереди Вашего императорского величества? — переспросил Неелов.

— Впереди, — улыбнулся Николай и приказал: — К Шевардину!

Неелов, возглавив кавалькаду, повёл императорскую свиту мимо злополучного оврага. «Пронесло, — подумал поручик. — Спасибо Нейдгардту и Паскевичу. Все знают, каков император бывает в гневе. С гневом Романовых я уже сталкивался при встречах с великим князем Константином во время польской войны... Но целых две недели водить императорскую кавалькаду по Бородинскому полю — это тяжелейшая задача».

¹ Нейдгардт Александр Иванович (1784—1845), в 1839 году — генерал-лейтенант, командир Шестого пехотного корпуса.

² И.Ф. Паскевич в 1819—1825 годах — генерал-лейтенант, начальник 1-й Гвардейской дивизии, где Николай Павлович, тогда деликий князь, командовал 2-й бригадой.

Мысли Неелова неожиданно прервала бедно одетая старушка, бросившаяся под копыта коня поручика.

— Батюшка ампиратор, прими прошение о помиловании сына!

— Я не император, император дальше скачет.

— Царь-батюшка, ну не обманывай старую женщину, мне знающие люди говорили, что кто первый скачет, тот и ампиратор.

Неелов растерянно замолчал. Из рядов свиты послышался сдержанный смех. Раздался уже весьма весёлый голос императора:

— Поручик, примите прошение и не бойтесь, мы вас за самозванца не примем.

Приняв прошение, Неелов поскакал дальше. Так ему предстояло направлять императорскую свиту две последующие недели манёвров. Это была не последняя старушка с прошением, но под плохое настроение императора он больше не попадал.

Барон фон Зальц больше к нему не приближался.

* * *

По завершении манёвров был маленький банкет офицеров штаба Шестого пехотного корпуса по поводу награждения поручика Неелова орденом Святого Владимира 4-й степени «в воздаяние отлично усердной и ревностной службы вашей». После первых тостов был зачитан «Приказ № 630. Лагерь при Бородине. 30 августа 1839 года», о том, что государь император, «оставаясь совершенно довольным Нееловым во всё время, здесь, при Его Императорском Величестве, всемилостивейше соизволил пожаловать ему в подарок табакерку, бриллиантами украшенную, в 25 000 рублей». Сидевший напротив поручика капитан Ртищев с завистью сказал:

— Ну и счастливчик ты, Неелов. И орден тебе, и табакерка, бриллиантами украшенная, и благорасположение императора, и всё это — за один овраг.

— А что мешало вам, капитан, первым предупредить государя императора об опасности? — с усмешкой произнёс штабс-капитан Иртеньев. — Ведь вы тоже ранее принимали участие в составлении плана местности в окрестностях Бородина?

«Как был бы счастлив узнать о моём награждении батюшка Дмитрий Васильевич! — подумал Неелов. — И легко представить, как будут подшучивать надо мной брат Пётр Дмитриевич и друзья литераторы, знающие мои вольнодумческие взгляды...»

Неелов с печальной улыбкой посмотрел на окружавших его офицеров и, подумав, что получать ордена, находясь в свите императора, не намного легче, чем на поле боя, но здесь цена — карьера, а там — жизнь; встал, налил себе бокал вина и произнёс тост:

— За здоровье Его императорского величества Николая Павловича! Ура!

— Ура! Ура!! Ура!!!